

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
21 September 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения в отношении сообщения № 2854/2016,
принятые Комитетом в соответствии со статьей 5
(пункт 4) Факультативного протокола* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Исламом Джохаром (представлен адвокатом Карлом К. Рибер-Моном)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Норвегия
<i>Дата сообщения:</i>	6 апреля 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 15 ноября 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	7 июля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	произвольное задержание
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопрос существа:</i>	свобода и личная неприкосновенность
<i>Статья Пакта:</i>	9, пункт 3
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	5, пункт 2 b)

1. Автором сообщения является Ислам Джохар, гражданин Норвегии, 1980 года рождения. Он заявляет, что государство-участник нарушило его права по статье 9 Пакта. Для государства-участника Факультативный протокол вступил в силу 23 марта 1976 года. Интересы автора представляет адвокат.

* Приняты Комитетом на его сто тридцать второй сессии (28 июня — 23 июля 2021 года).

** В рассмотрении сообщения участвовали следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Фуруя Сюити, Карлос Гомес Мартинес, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Со Чхангрок, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентиан Зюбери.

Обстоятельства дела¹

2.1 Автор был арестован в четверг, 4 июля 2013 года, в 9 ч 45 мин и помещен под стражу в отделении полиции в 10 ч 14 мин по подозрению в совершении преступления, связанного с наркотиками, за что впоследствии ему были предъявлены обвинения, он был осужден и ему было назначено наказание. Автор предстал перед судьей Окружного суда Осло в субботу, 6 июля 2013 года, в 14 ч 00 мин, т. е. через 52 часа 15 минут после того, как был арестован. Автор заявляет, что государство-участник нарушило норму о 48-часовом сроке, установленную Комитетом в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта.

2.2 6 июля 2013 года в 14 ч 00 мин в Окружном суде Осло состоялось заседание. Суд постановил избрать меру пресечения в виде заключения автора под стражу до тех пор, пока органом прокуратуры или судом не будет принято иного решения, но не дольше, чем до 3 августа 2013 года. В течение всего этого периода автору было запрещено вести переписку и принимать посетителей, и до 20 июля 2013 года он находился в полной изоляции. Суд счел, что следствие все еще находилось на начальном этапе и что было важно исключить общение автора с другими лицами, которые могли иметь отношение к делу². 8 июля 2013 года после четырехдневного пребывания в одиночной камере автор был переведен в тюрьму Осло.

2.3 15 октября 2014 года автор был приговорен к 4 годам 10 месяцам лишения свободы за хранение амфетамина в значительном размере. Автор обжаловал это решение. 24 апреля 2015 года Апелляционный суд Боргартинга подтвердил решение Окружного суда Осло.

2.4 Автор обжаловал приговор в Верховном суде, ссылаясь на то, что приговор излишне строг, что отсутствовало законное основание для помещения автора на четырехдневный период в условия полной изоляции и что он не был доставлен к судье в установленный 48-часовой срок в нарушение международных конвенций по правам человека. 21 октября 2015 года Суд отклонил жалобы автора и утвердил вынесенный ему приговор³.

Жалоба

3.1 Автор заявляет, что государство-участник не представило убедительного обоснования причины, в силу которой он не был доставлен к судье в срок в нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта. Автор считает, что его права были нарушены, хотя законодательством Норвегии допускается содержание лица под стражей в течение 72 часа до того, как он предстанет перед судьей. Автор предстал перед судьей через 52 часа 15 минут после того, как был задержан и помещен в одиночную камеру. Он утверждает, что не было никаких причин, которые оправдывали бы недоставление его к судье в более ранний срок.

3.2 Автор, ссылаясь на дело *Ковш против Беларуси*⁴, отмечает, что, согласно мнению Комитета, предельный срок должен определяться для каждого конкретного случая и что для содержания под стражей свыше 48 часов требуется особое обоснование. Автор ссылается также на пункт 33 замечания общего порядка № 35 (2014) Комитета по правам человека и напоминает, что «любая задержка сверх 48 часов должна носить сугубо исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами». Автор указывает на отсутствие достаточных оснований, которые объясняли бы, почему он был доставлен к судье лишь спустя 52 часа 15 минут после его ареста. Автор заявляет, что такая страна, как Норвегия,

¹ В данном разделе изложены обстоятельства, установленные секретариатом Комитета на основе официальных документов.

² Суд принял это решение в соответствии со статьей 186 Закона об уголовном судопроизводстве.

³ Что касается срока, по истечении которого автор был доставлен к судье, то, по оценке Суда, автор был доставлен из места содержания под стражей в здание суда лишь на 35 минут позже установленного срока, и задержка была связана с распорядком работы Окружного суда.

⁴ [CCPR/C/107/D/1787/2008](#).

в особенности должна выполнять свои международные обязательства и не ссылаться на аргументы о практическом удобстве, уклоняясь от соблюдения важных политических прав, изложенных в замечаниях Комитета общего порядка.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 15 мая 2017 года государство-участник указывает на отсутствие оснований для оспаривания приемлемости сообщения.

4.2 Государство-участник напоминает об обстоятельствах дела и отмечает, что автор был арестован и подвергнут обыску по подозрению в хранении наркотических веществ в значительном размере. Государство-участник заявляет, что арест автора был признан необходимым в силу опасений, что автор может скрыться от правосудия, и что существовал непосредственный риск того, что автор будет препятствовать сбору доказательств по делу. 4 июля 2013 года в 9 ч 45 мин автор был арестован и в 10 ч 14 мин был помещен под стражу в отделении полиции в Осло. В тот же день в 16 ч 00 мин состоялся телефонный разговор автора с его адвокатом. В пятницу, 5 июля 2013 года, с 10 ч 10 мин до 14 ч 28 мин сотрудниками полиции производился допрос автора одновременно с допросом другого подозреваемого — Б. В субботу, 6 июля 2013 года, в 10 ч 20 мин (через 48 часов 35 минут после ареста автора) он был доставлен из изолятора временного содержания в Окружной суд Осло и помещен в конвойное помещение, где находился до начала судебного заседания в 14 ч 00 мин. Окружной суд принял решение наложить запрет на общение автора с другими лицами и на посещение автора до 20 июля 2013 года, чтобы автор был лишен возможности контактировать с обвиняемыми или другими лицами, причастными к этому делу, и влиять на ход следствия. Это решение не было обжаловано. Впоследствии Окружной суд признал автора виновным в хранении наркотических веществ и приговорил его к 4 годам 10 месяцам лишения свободы, а затем этот приговор был подтвержден Апелляционным судом Боргартинга и Верховным судом Норвегии в его решении от 21 октября 2015 года.

4.3 Государство-участник напоминает, что Верховный суд в своем решении от 21 октября 2015 года затронул вопрос о сроке, прошедшем с момента ареста автора до проведения судебного заседания по вопросу о заключении его под стражу. Верховный суд постановил, что были представлены достаточные основания для превышения установленного нормой 48-часового срока, и пришел к выводу об отсутствии нарушения пункта 3 статьи 9 Пакта.

4.4 Государство-участник ссылается на положение своего внутреннего законодательства — раздел 183 Закона об уголовном судопроизводстве, согласно которому арестованное лицо, которое орган прокуратуры намерен задержать, должно быть доставлено к судье в кратчайшие возможные сроки и не позднее чем на третьи сутки после ареста. Данная формулировка отражает внесенные Законом № 55 от 28 июня 2002 года изменения, мотивированные намерением ввести предельный срок и основанные на предположении, что благодаря возможности содержать подозреваемых под стражей до трех суток общее использование практики содержания под стражей в ходе следствия сократится. Достижению такого результата могут способствовать несколько факторов: так, у полиции будет достаточно времени для проведения расследования, и поэтому не возникнет необходимости в заключении лица под стражу (например, уменьшится риск воспрепятствования сбору доказательств), или же по итогам более тщательного расследования окружные суды будут располагать более обстоятельной фактологической основой, чтобы оценить, наличествуют ли условия для заключения лица под стражу, что приведет к сокращению сроков содержания под стражей или освобождению большего числа лиц⁵. Это обоснование

⁵ Государство-участник ссылается на предложение № 66 (2001–2002 годы), приложение 3, раздел 4.1.7, сс. 21–22, и отмечает, что вопрос о том, подтверждается ли это предположение на практике, является предметом продолжающегося обсуждения. Государство-участник отмечает также, что в указанном документе были приведены аргументы против продления срока, например, существование угрозы того, что некоторые лица будут содержаться под стражей

следует понимать с учетом строгих требований для помещения под стражу по законодательству Норвегии, в соответствии с которым должны выполняться два минимальных условия: а) лицо с полным на то основанием подозревается в совершении преступления, которое карается лишением свободы на срок более шести месяцев (т. е. вероятность совершения им этого преступления составляет более 50 процентов); и б) имеются достаточные причины для помещения лица под стражу, и эта мера не будет избыточной с учетом характера дела и прочих обстоятельств. Кроме того, должно выполняться хотя бы одно из следующих дополнительных условий: а) имеются основания полагать, что лицо будет скрываться от правосудия; б) существует непосредственный риск того, что лицо будет препятствовать сбору доказательств по делу, например путем изъятия доказательств или оказания влияния на свидетелей или соучастников; и с) принятие данной мер признается необходимым, чтобы предотвратить совершение лицом преступного деяния, наказуемого лишением свободы на срок более шести месяцев⁶.

4.5 Что касается пункта 3 статьи 9 Пакта, то государство-участник напоминает, что Пакт и другие международные договоры по правам человека имеют силу закона Норвегии в той мере, в какой они являются юридически обязательными для Норвегии, и имеют преимущественную силу перед любыми другими законодательными положениями, которые находятся с ними в коллизии⁷. Таким образом, четко установлено, что статью 183 Закона об уголовном судопроизводстве в части, касающейся предусмотренного срока, следует понимать в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта и что обязательства по Пакту будут иметь преимущественную силу перед Законом об уголовном судопроизводстве в случае коллизии норм. Что касается толкования пункта 3 статьи 9, то Верховный суд постановил, что соображения Комитета имеют «значительный вес» в качестве источника права при толковании не только Пакта, но и положений внутреннего законодательства. Так, Верховный суд в своем решении по делу автора постановил, что «прошедшее время может в сугубо исключительных случаях превышать 48 часов, причем только если это оправдывается конкретными обстоятельствами». Продолжительность этого срока обусловлена соображениями Комитета о том, что 48 часов обычно достаточно для транспортировки задержанного лица и подготовки к заседанию по вопросу об избрании меры пресечения. Из позиции Верховного суда следует, что по общей норме срок, в который арестованное лицо должно быть доставлено к судье в соответствии с норвежским законодательством, согласуется с содержанием замечания общего порядка № 35 (2014), т. е. составляет 48 часов. Государство-участник осознает возможную противоречивость формулировки статьи 183 Закона об уголовном судопроизводстве, но указывает, что ряд факторов смягчает эту возможную противоречивость: а) формулировка «в кратчайшие возможные сроки» подразумевает, что не всегда необходимо ждать истечения предельного срока⁸; б) участники правового процесса осведомлены о необходимости читать традиционные норвежские правовые источники с учетом норм, изложенных в международных источниках; с) законодатель подчеркивает необходимость того, чтобы суды обеспечивали соблюдение положений международных источников, включая Пакт; и d) события, связанные с Пактом, на постоянной основе отслеживаются Генеральным прокурором.

4.6 Государство-участник напоминает, что Комитет неоднократно высказывал свои соображения относительно толкования формулировки «в срочном порядке», которая содержится в пункте 3 статьи 9. Как следует из правовой практики Комитета,

---

дольше, чем это необходимо, и что эта формулировка не полностью отражает требования международных документов. В 2010 и 2017 годах проводились консультации по вопросу об изменении этого срока.

⁶ Государство-участник ссылается на главы 13 и 14 Закона об уголовном судопроизводстве, разделы 170 а, 171–173 и 184.

⁷ Закон об укреплении роли прав человека в норвежском законодательстве (Закон о правах человека) от 21 мая 1999 года.

⁸ Предложение № 66 (2001–2002 годы), раздел 4.1.7.1.

содержание под стражей в течение 50 часов⁹ и 73 часов¹⁰ не расценивалось как нарушение пункта 3 статьи 9. По прошествии времени Комитет дополнил свою концепцию, в соответствии с которой задержка «не должна превышать нескольких дней», рекомендацией о том, что этот период должен составлять не более 48 часов¹¹; впоследствии эта рекомендация была включена в текст замечания общего порядка № 35 (2014)¹². Во-первых, государство-участник указывает, что возникает вопрос о том, является ли определение «сугубо исключительный» качественным показателем, определяемым в каждом конкретном случае, или скорее количественным показателем, применимым к государствам-участникам, как таковым, т. е.: а) число отложенных судебных заседаний в данном государстве должно быть относительно небольшим; и б) каждый случай должен быть обоснован конкретными обстоятельствами. Государство-участник отмечает также, что события, изложенные в настоящем сообщении, имели место в 2013 году, до принятия замечания общего порядка № 35 (2014) в декабре 2014 года. Во-вторых, государство-участник заявляет, что Комитет подробно не разобрал вопрос об отступлении от нормы о 48-часовом сроке в каком-либо деле, которое было бы схоже с делом, описанным в настоящем сообщении: или время содержания под стражей значительно превышало установленный 48-часовой срок¹³, или лицо вообще не представало перед судьей до начала судебного разбирательства¹⁴ и/или соответствующее государство-участник не представляло никаких¹⁵ или представляло явно неудовлетворительные¹⁶ обоснования задержки.

4.7 По мнению государства-участника, Верховный суд Норвегии верно избрал отправную точку для вышеприведенной оценки нормы о 48-часовом сроке¹⁷. Государство-участник отмечает, что одним из важных мотивов, ввиду которого был установлен 48-часовой срок, является риск жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов во время содержания лица под стражей в отделении полиции. По мнению государства-участника, по крайней мере, когда речь идет о пограничных случаях, может быть целесообразным рассмотреть вопрос о том, имело ли арестованное лицо доступ к адвокату во время содержания под стражей. Время, когда содержание под стражей в отделении полиции прекращается и такое

⁹ Комитет по правам человека, *Порторреаль против Доминиканской Республики*, сообщение № 188/1984, п. 10.2.

¹⁰ *Ван дер Хувен против Нидерландов* (CCPR/C/54/D/583/1994), п. 4.3.

¹¹ *Пичугина против Беларуси* (CCPR/C/108/D/1592/2007), п. 7.4; *Кови против Беларуси*, пп. 7.4–7.5; *Жук против Беларуси* (CCPR/C/109/D/1910/2009), п. 8.3; и *Юзепчук против Беларуси* (CCPR/C/112/D/1906/2009), п. 8.3.

¹² «Любая задержка сверх 48 часов должна носить сугубо исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами» (п. 33).

¹³ *Маклоуренс против Ямайки* (CCPR/C/60/D/702/1996), п. 5.6; *Пичугина против Беларуси*, п. 7.4; и *Козулина против Беларуси* (CCPR/C/112/D/1773/2008).

¹⁴ См., в частности, дело *Гришковцов против Беларуси* (CCPR/C/113/D/2013/2010): в этом случае автор был арестован 14 октября 2009 года, помещен под стражу до суда решением прокурора от 21 октября 2009 года и предстал перед судьей лишь с началом судебного разбирательства 30 марта 2010 года. Аналогичные обстоятельства и выводы содержатся в деле *Бурдыко против Беларуси* (CCPR/C/114/D/2017/2010).

¹⁵ См., в частности, дело *Ковалева и Козяр против Беларуси* (CCPR/C/106/D/2120/2011): в этом случае пятимесячный срок представлял собой нарушение, поскольку государство не отреагировало на заявления авторов. Аналогичные выводы содержатся в делах *Козулина против Беларуси* и *Маклоуренс против Ямайки*.

¹⁶ В деле *Кови против Беларуси* Комитет постановил, что содержание автора под стражей на протяжении 61 и 72 часов, в течение которых она не была доставлена к судье, представляет собой нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта. Несмотря на некоторую схожесть в том, что касается продолжительности срока, прошедшего между арестом и проведением судебного заседания, это дело никак не может использоваться для оценки в контексте настоящего сообщения, поскольку единственное объяснение, представленное Беларусью, состояло в том, что соответствующее лицо не подало жалобу.

¹⁷ В пункте 33 решения говорится, что наличие оснований для превышения срока будет определяться, среди прочего, с учетом того, насколько превышен срок, какова степень тяжести предполагаемого преступления и сколько времени необходимо для установления оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

лицо доставляется в здание суда, может приниматься во внимание, поскольку риск жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов в здании суда значительно ниже, тем более если такое лицо встречается со своим адвокатом в здании суда. Государство-участник предполагает, что Комитет, может опереться на правовую практику Европейского суда по правам человека, постановившего, что первоначальное заседание должно быть проведено судьей не позднее чем через четверо суток после ареста¹⁸. Государство-участник не утверждает, что Комитет должен привести общую норму, предусмотренную Пактом, в соответствии с общей нормой, установленной Европейским судом по правам человека, но предлагает Комитету при отступлении от нормы о 48-часовом сроке, предусмотренной Пактом, учитывать обширную правовую практику Суда в отношении критериев срочности и опираться на нее.

4.8 Государство-участник считает, что в деле автора нарушения пункта 3 статьи 9 Пакта не было. Задержка, о которой идет речь (4 часа 15 минут), является относительно незначительной, и автор действительно предстал перед судьей на вторые сутки после ареста. Ходатайство о его аресте было направлено в Окружной суд днем ранее. Автор был изъят из-под стражи в отделении полиции и доставлен в Окружной суд через 48 часов 35 минут после его ареста. Автор общался со своим адвокатом в день ареста и на следующий день, и он вновь встретился со своим адвокатом в здании суда в связи с проведением судебного заседания. По мнению государства-участника, из обстоятельств дела со всей очевидностью следует, что речь шла о сложном деле, связанным с совершением тяжкого преступления и характеризующимся наличием обвиняемого, и что для выяснения того, могло ли это дело быть частью более масштабной преступной операции, необходимо было рассмотреть его в более широком контексте. Государство-участник заявляет, что в соответствующий период расследование проводилось надлежащим образом. Это время было эффективно использовано для прояснения причин, на которые сослался Окружной суд в обоснование необходимости дальнейшего содержания автора под стражей, и для сбора информации, имеющей значение для последующего расследования. В своем постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Окружной суд особо отметил, что дело явно находилось на начальной стадии и что еще предстояло провести всестороннее расследование. Ввиду сложности дела полиции потребовалось тщательно подготовиться к допросу, в том числе путем изучения отчетов о результатах слежки. После допроса также потребовалось определенное время для анализа и сравнения информации, полученной в результате допросов обоих лиц, и последующего включения в текст ходатайства в Окружной суд обоснования необходимости содержания лица под стражей. Что касается времени проведения судебного заседания, состоявшегося в субботу, 6 июля 2013 года, то следует отметить, что в первой половине дня судья занимается подготовкой к судебным заседаниям. Как правило, документы, имеющие отношение к делу, и ходатайство органа прокуратуры направляются в суд накануне заседания; так произошло и в этом случае. В этой связи государство-участник ссылается на строгие условия, которые должны быть соблюдены для заключения под стражу в соответствии с норвежским законодательством, включая требование о наличии достаточных оснований, удовлетворение как минимум одному дополнительному критерию (в данном случае — существование непосредственного риска воспрепятствования сбору каких-либо доказательств по делу) и требование относительно того, что содержание под стражей не должно быть избыточной мерой. В частности, в сложных делах, таких как данное дело, судье обязательно должно быть предоставлено достаточно времени для подготовки к заседанию, чтобы оценить, соблюдены ли условия для заключения под стражу.

4.9 Следовательно, государство-участник считает, что незначительное отступление от установленного 48-часового срока, имевшее место в данном случае, оправдывается

¹⁸ См. European Court of Human Rights, *Döner and others v. Turkey*, Application No. 29994/02, sect. 53, Judgment, 7 March 2017.

конкретными обстоятельствами и не представляет собой нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 28 июня 2018 года автор представил свои комментарии к замечаниям государства-участника. Автор указывает, что из правовой практики Комитета и замечания общего порядка № 35 (2014) следует, что любая задержка сверх 48 часов должна носить сугубо исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами. Это применимо даже к тем случаям, когда государство-участник заявляет, что риск жестокого обращения отсутствует.

5.2 Автор утверждает, что государство-участник не пыталось привести какие-либо сугубо исключительные причины задержки и не продемонстрировало, что задержка оправдывалась конкретными обстоятельствами.

5.3 Автор заявляет, что, согласно постановлению Верховного суда, одной из причин столь значительной задержки было то, что Окружной суд Осло назначает первоначальные заседания об избрании меры пресечения на послеобеденное время, а значит, автора было невозможно доставить к судье намного раньше в этот же день. По мнению автора, эта причина не может быть расценена как имеющая сугубо исключительный характер и оправдываемая конкретными обстоятельствами. Если малозначимые обстоятельства, связанные с графиком обеденных перерывов, будут иметь первостепенное значение и оправдывать нарушения нормы о 48-часовом сроке, то соответствующая норма станет полностью недействительной. Автор ссылается на предыдущее решение Комитета по делу *Фийастр и Бизуарн против Боливии*, при рассмотрении которого серьезные бюджетные трудности страны, находящейся в весьма отступающемся от Норвегии экономическом положении, не были признаны оправданием для нарушения этой нормы¹⁹.

5.4 Автор указывает, что государство-участник не может утверждать, что, несмотря на нарушение нормы о 48-часовом сроке в принципе, физическое жестокое обращение не применялось, поэтому факта нарушения в конечном счете нет. Автор отмечает, что государство-участник ставит под сомнение тот факт, что более длительное содержание задержанных в органах внутренних дел без судебного контроля излишне повышает риск жестокого обращения²⁰. Автор ссылается на сообщение по делу *Ковш против Беларуси*, в котором Комитет разъяснил, что установленный срок не должен превышать.

5.5 Автор заявляет, что государство-участник склонно утверждать, что, хотя оно и признает трактовку Комитетом пункта 3 статьи 9 в части, касающейся данного вопроса, включая важность общей нормы о 48-часовом сроке и желательность ее применения на универсальной основе, норма о 48-часовом сроке неприменима к Норвегии и к данному делу. Автор напоминает, что, как он указывал в своей жалобе, такая страна, как Норвегия, в особенности должна выполнять свои международные обязательства и не ссылаться на аргументы о практическом удобстве, уклоняясь от соблюдения важных политических прав, определенных Комитетом в замечаниях общего порядка.

5.6 Автор отмечает, что, хотя государство-участник заявляет, что автор общался со своим адвокатом в день ареста и после того, как его доставили в Окружной суд, автор все же находился под стражей. Кроме того, вопрос о том, разговаривал ли автор со своим адвокатом в этот период, не играет никакой роли.

5.7 Автор указывает, что в соответствии с замечанием общего порядка № 35 (2014) некоторые государства устанавливают сроки менее 48 часов, тогда как государство-участник установило 48-часовой срок, который затем был продлен до 76 часов в 2002 году. Таким образом, отступления от нормы о 48-часовом сроке приобретают

¹⁹ Комитет по правам человека, сообщение № 336/1988, п. 6.4.

²⁰ Замечание общего порядка № 35 (2014), п. 33.

скорее статус нормы, а не исключения. Хотя целью государства-участника было сокращение среднего времени содержания под стражей в отделении полиции, 76-часовой срок теперь стал нормой, из которой делаются новые исключения для его превышения. Продление срока в 2002 году должно было сопровождаться тщательным и постоянным анализом и оценкой, которые не проводились надлежащим образом. Напротив, год от года отмечается все больше случаев превышения нового продленного срока. Эта практика подвергалась критике со стороны Норвежской ассоциации судей в 2011 году, парламентского омбудсмена Норвегии и нескольких надзорных органов Организации Объединенных Наций и Совета Европы.

5.8 Автор заявляет, что его дело является одним из множества рядовых дел о наркотических веществах, поскольку в нем речь шла о менее чем 5 килограммах амфетамина и других наркотических веществ, найденных по месту его проживания, и оно не может быть квалифицировано как сложное.

5.9 Что касается аргумента государства-участника о том, что события имели место до принятия замечания общего порядка № 35 (2014), то автор отмечает, что в решении Верховного суда от 2015 года этот вопрос не поднимается. Кроме того, юридическая практика Комитета сформировалась задолго до событий и судебных решений, изложенных в жалобе²¹.

5.10 Автор просит Комитет уточнить последствия задержки сверх 48 часов, которая не носит сугубо исключительный характер и не оправдывается конкретными обстоятельствами. Автор указывает, что Комитету следует разъяснить государству-участнику, что в случае задержки более чем на 48 часов существует обязанность освободить соответствующее лицо и выплатить ему компенсацию.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 29 ноября 2018 года государство-участник представило свои дополнительные замечания. В отношении своего внутреннего законодательства государство-участник отмечает, что неверно утверждать, что государство-участник «установило 48-часовой срок, который затем был продлен до 76 часов в 2002 году». Государство-участник повторяет, что предыдущая формулировка положения норвежского законодательства гласила, что задержанное лицо должно быть доставлено в Окружной суд «в кратчайшие возможные сроки и по возможности на следующий день после ареста». Этот срок не являлся предельным, и допускались исключения в случаях, если это невозможно было сделать на следующий день после ареста, а также если срок истекал в субботу или в праздничный день. Государство-участник указывает также, что неверно утверждать, что 76-часовой срок имеет нормативный характер по норвежскому законодательству. В действительности в статье 183 Закона об уголовном судопроизводстве устанавливается предельный срок, составляющий трое суток после ареста. В течение этого срока органы власти обязаны в кратчайшие возможные сроки доставить арестованное лицо в суд. Продление сверх трехдневного срока не допускается ни при каких условиях. Общая норма, действующая в Норвегии, соответствует соображениям Комитета, изложенным в замечании общего порядка № 35 (2014), т. е. норме о 48-часовом сроке с возможностью отступления от нее, если это оправдано конкретными обстоятельствами, но при недопустимости превышения трехдневного предельного срока.

6.2 Государство-участник опровергает утверждение автора о том, что год от года задержек становится все больше. Государству-участнику неизвестно о такой тенденции, а аргумент адвоката не подкреплён ни статистическими данными, ни соответствующими примерами из судебной практики. Государство-участник указывает также, что, вопреки утверждению автора, последующий обзор поправки 2002 года к Закону об уголовном судопроизводстве был проведен, и его результаты были переданы для проведения консультаций в 2010 году. Поправки пока не приняты, но это обстоятельство следует рассматривать во взаимосвязи с тем, что норвежское законодательство применяется в соответствии с соображениями Комитета,

²¹ *Ковш против Беларуси.*

изложенными в замечании общего порядка № 35 (2014). 21 июня 2018 года был опубликован документ по итогам консультаций по вопросу об изменении формулировки статьи 183, содержащий два альтернативных предложения: а) в кратчайшие возможные сроки и не позднее чем на следующий день после ареста; и б) в кратчайшие возможные сроки и не позднее, чем через 48 часов после ареста, или позже, если это необходимо (т. е. оправдано конкретными обстоятельствами (см., в частности, соображения Комитета, изложенные в замечании общего порядка № 35 (2014)), но ни при каких условиях не позднее, чем на третьи сутки после ареста. Данные предложения находятся на рассмотрении в Министерстве юстиции.

6.3 Государство-участник отмечает, что центральным вопросом данного сообщения является понимание того, что составляет исключение из нормы о 48-часовом сроке, а не целесообразность общей нормы как таковой. Насколько известно государству-участнику, это первый случай, когда в Комитет представлено сообщение, в котором оспариваемая задержка сверх срока, установленного общей нормой, исчисляется не днями, а часами, и в котором соответствующее государство-участник представило достаточные основания для задержки. В этой связи государство-участник отмечает, что формулировка пункта 3 статьи 9 подлежит трактовке в контексте каждого конкретного дела, причем помимо того, что задержка сверх 48 часов должна быть оправдана конкретными обстоятельствами, причины, которые приводятся в обоснование указанной задержки, будут рассматриваться тем тщательнее, чем больше эта задержка. Из этой формулировки не следует со всей очевидностью, что к обоснованию должны предъявляться значительно более жесткие требования именно с того момента, когда срок превысил 48 часов. Государство-участник повторяет, что оно поддерживает общую норму о 48-часовом сроке, но указывает, что Комитету следует исходить из изложенных соображений, допуская отступление от нормы о 48-часовом сроке в контексте обстоятельств данного дела.

6.4 Государство-участник не согласно с комментарием адвоката о том, что точная формулировка замечания общего порядка № 35 (2014) является отражением позиции Комитета, которая оформилась задолго до событий и судебных решений, связанных с данной жалобой. В деле *Кови против Беларуси* используется формулировка «любая задержка на более длительный срок потребует особого обоснования»²², и нет указания на то, что такие задержки должны носить «сугубо исключительный» характер, как это определено в замечании общего порядка № 35 (2014). В любом случае, по мнению государства-участника, критерии, установленные замечанием общего порядка № 35 (2014), не предусматривают более строгих условий в отношении отступления от нормы о 48-часовом сроке по сравнению с условиями, определенными Комитетом до принятия замечания общего порядка № 35 (2014). Государство-участник повторяет свой аргумент о том, что критерий наличия «сугубо исключительного» характера нельзя понимать как качественное требование, относящееся к обстоятельствам конкретного дела, которые могут оправдывать или не оправдывать отступление от нормы о 48-часовом сроке, а скорее следует понимать как количественный показатель, определяющий строгое ограничение в отношении того, как часто государство-участник может не соблюдать норму о 48-часовом сроке. По мнению государства-участника, не требуется, чтобы обстоятельства в каждом конкретном случае сами по себе носили «исключительный» характер. Достаточно, чтобы задержка сверх 48-часового срока была оправдана в силу обстоятельств, а это будет зависеть от того, насколько значительно превышение 48-часового срока. Если бы в каждом случае содержания под стражей сверх 48 часов требовалось наличие сугубо исключительных обстоятельств, независимо от того, насколько длительным или коротким было превышение срока, то значение термина «в срочном порядке» больше не подлежало бы трактовке в каждом конкретном случае.

6.5 Государство-участник повторяет, что в данном деле речь идет о тяжком преступлении и о наличии обвиняемого, и не согласно с тем, что обстоятельства дела составляют «рядовое дело о наркотических веществах», как заявляет автор. Наконец, государство-участник повторяет, что в первой половине дня судья занимается

²² Там же, п. 7.4.

подготовкой к судебному заседанию, в частности в случае таких сложных дел, как данное дело, что нельзя охарактеризовать как «малозначимые обстоятельства, связанные с графиком обеденных перерывов», вопреки утверждению автора.

Комментарии автора к дополнительным замечаниям государства-участника

7.1 31 марта 2019 года автор представил комментарии к дополнительным замечаниям государства-участника. Автор вновь опровергает существование исключительных оснований, оправдывающих нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта.

7.2 Автор заявляет, что подготовка к судебному заседанию по сложному делу не может служить оправданием для нарушения нормы о 48-часовом сроке. Автор отмечает, что аргумент государства-участника, по-видимому, заключается в том, что сложность дела обуславливает необходимость более длительной подготовки к заседанию. В таком случае это означало бы, что речь идет об общем исключении или продлении срока, и неясно, как сложность в целом может служить оправданием для нарушения нормы о 48-часовом сроке. Автор утверждает, что государство-участник не продемонстрировало, какое отношение имеет предполагаемая сложность дела к рассматриваемому Комитетом вопросу.

7.3 Автор указывает, что основной вопрос, вынесенный на рассмотрение Верховного суда, касался сокращения срока наказания заявителя с учетом четырех дней, проведенных им в полной изоляции в полицейской камере временного содержания («glattcelle»). Автор добавляет, что государство-участник склонно скрывать от Комитета свое злоупотребление мерами изоляции. В своем решении Верховный суд счел четырехдневную полную изоляцию в камере временного содержания адекватной мерой. Судья также признал, что при буквальном толковании законодательные положения, касающиеся изоляции в условиях тюрьмы, не относятся к изоляции в полицейской камере временного содержания. Автор подчеркивает, что его жалоба касается классического примера дела, подтверждающего необходимость строгого соблюдения нормы о 48-часовом сроке.

7.4 Автор отмечает, что обязательным является соблюдение обоих критериев (наличие «сугубо исключительного характера» и оправданность «конкретными обстоятельствами»), а не одного из этих критериев. По мнению автора, сложность, необходимость подготовки к заседанию и распорядок работы Суда не могут служить оправданием для какого бы то ни было нарушения нормы о 48-часовом сроке.

7.5 Что касается продолжающихся консультаций, касающихся поправки 2002 года²³, то автор напоминает, что Норвежская ассоциация адвокатов обратилась с просьбой включить в Закон об уголовном судопроизводстве четкую норму о 48-часовом сроке и что для соблюдения статьи 9 и положений замечания общего порядка № 35 (2014) необходимо установить более строгие условия, регулирующие задержки сверх установленного срока. Автор поддерживает эти просьбы.

7.6 Автор просит Комитет с учетом настоящего сообщения разъяснить норму о 48-часовом сроке и исключениях из нее и изменить ее формулировку.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в сообщении, Комитет должен решить в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры, является ли данная жалоба приемлемой в соответствии с Факультативным протоколом.

8.2 Комитет убедился, как того требует подпункт а) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

²³ Предложение № 66 (2001–2002 годы), раздел 4.1.7.1.

8.3 Комитет отмечает, что, по утверждению автора, он исчерпал все доступные ему внутренние средства правовой защиты. В отсутствие каких-либо возражений со стороны государства-участника в этой связи Комитет считает, что требования подпункта б) пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола соблюдены.

8.4 Комитет считает, что автор достаточно обосновал свою жалобу о нарушении его прав по пункту 3 статьи 9 для целей установления ее приемлемости. Комитет заявляет о приемлемости данной жалобы и приступает к ее рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.5 Комитет рассмотрел сообщение с учетом всей информации, предоставленной ему сторонами, как это предусмотрено положениями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.6 Комитет принимает к сведению жалобу автора о том, что его права по пункту 3 статьи 9 Пакта были нарушены, поскольку с 9 ч 20 мин 4 июля 2013 года, когда он был первоначально арестован, до 14 ч 00 мин 6 июля 2013 года, т. е. в общей сложности в течение 52 ч 40 мин, он не был доставлен к судье. Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что государство-участник не представило убедительного обоснования задержки сверх 48 часов до того момента, как он был доставлен к судье, в нарушение пункта 3 статьи 9 Пакта.

8.7 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что задержка, о которой идет речь (4 часа 15 минут), является относительно незначительной и что автор действительно предстал перед судьей на вторые сутки после ареста. Комитет также принимает к сведению, что, как указывает государство-участник, срок был превышен отчасти из-за сложности дела и отчасти из-за распорядка работы Суда (п. 4.8 выше). Комитет далее отмечает заявление государства-участника о том, что в соответствии с Законом о правах человека Пакт и другие международные договоры по правам человека имеют силу закона Норвегии и что обязательства по Пакту имеют преимущественную силу перед Законом об уголовном судопроизводстве в случае коллизии норм. Комитет указывает, что государство-участник высказалось в поддержку общей нормы о 48-часовом сроке и что в разделе 183 Закона об уголовном судопроизводстве говорится, что арестованное лицо должно быть доставлено к судье в кратчайшие возможные сроки и не позднее чем на третьи сутки после ареста.

8.8 В связи с этим Комитет напоминает, что любое лицо, арестованное или задержанное по уголовному обвинению, должно быть в срочном порядке доставлено к судье и что 48 часов обычно достаточно для транспортировки задержанного лица и подготовки к судебному заседанию; любая задержка сверх этого срока должна носить сугубо исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами²⁴. Оперативное применение процедуры судебного надзора также является важной гарантией, защищающей задержанное лицо от угрозы жестокого обращения²⁵. Отправной точкой для оценки оперативности действий является время ареста, а не время прибытия лица в место содержания под стражей²⁶. Значение формулировки «в срочном порядке» в пункте 3 статьи 9 Пакта должно определяться для каждого конкретного случая²⁷, и при любой задержке сверх 48 часов требуется особое обоснование, чтобы такая задержка не нарушала пункт 3 статьи 9 Пакта²⁸.

8.9 В настоящем деле Комитет отмечает, что автор был доставлен в Окружной суд через 48 часов 35 минут после ареста и предстал перед судьей через 52 часа 15 минут после ареста. Хотя этот срок формально превышает нормативный срок в 48 часов, установленный в правовой практике Комитета и в замечании общего порядка № 35 (2014), Комитет отмечает, что задержка в четыре часа носила исключительно

²⁴ Замечание общего порядка № 35 (2014), п. 33; и *Кови против Беларуси*, п. 7.4.

²⁵ *Кови против Беларуси*, п. 7.3.

²⁶ Например, *Кови против Беларуси*, п. 7.3; и *Лихонг против Ямайки*, [CCPR/C/66/D/613/1995](#), п. 9.5.

²⁷ Например, *Маклоуренс против Ямайки*, п. 5.6.

²⁸ *Борисенко против Венгрии* ([CCPR/C/76/D/852/1999](#)), п. 7.4.

логистический характер, была обусловлена лишь распорядком работы Суда и не являлась ни чрезмерной, ни произвольной. Во время четырехчасовой задержки автор находился в помещении суда и имел возможность общаться со своим адвокатом. С учетом представленной ему информации Комитет не может сделать вывод о том, что государство-участник не продемонстрировало в достаточной степени, что задержка сверх нормативного срока в 48 часов носила сугубо исключительный характер и оправдывалась конкретными обстоятельствами, и, соответственно, делает вывод об отсутствии нарушения прав автора по пункту 3 статьи 9 Пакта.

8.10 Комитет, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленная ему информация не свидетельствует о нарушении государством-участником пункта 3 статьи 9 Пакта.
